

Векфильдский Священник.
История его жизни, написанная,
как полагают, им самим.

Sperate, miseri;
cavete, felices.

Надейтесь, страждущие;
трепещите, счастливы (лат.)

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

В предлагаемом труде тысяча недостатков, и вместе с тем можно привести тысячу доводов в пользу того, что недостатки эти являются его достоинствами. Впрочем, в этом нет надобности. Книга бывает занимательна, несмотря на бесчисленные ошибки, и скучна, хоть в ней не найдется ни единой несообразности. Герой этой повести совмещает в себе трех самых важных представителей человеческого рода: священника, земледельца и главу семьи.

Он равно готов поучать и повиноваться; в благополучии прост, в несчастье величественен. Кому, впрочем, в наш век утонченности и процветания придется по душе такой герой? Те, кого привлекает великосветская жизнь, с презрением отвернутся от непритязательного круга, собравшегося у семейного очага; те, кто привык принимать непристойности за остроумие, не найдут его в простодушных речах селянина; тем, кто воспитан ни во что не ставит религию, будет смешон человек, черпающий главное свое утешение в мыслях о будущей жизни.

Оливер Голдсмит

ГЛАВА 1

Всю жизнь я придерживался того мнения, что честный человек, вступивший в брак и воспитавший многочисленное семейство, приносит в тысячу раз больше пользы, чем тот, кто, пожелав остаться холостым, только и знает, что болтать о благе человечества. По этой-то причине, едва миновал год после моего посвящения, как я начал подумывать о супружестве; и в выборе жены поступил точно так же, как поступила она, когда выбирала себе материю на подвенечный наряд: я искал добротности, не прельщаясь поверхностным лоском. И надо сказать, что жена мне досталась кроткая и домовитая. К тому же, не в пример другим нашим деревенским девицам, она оказалась на редкость ученой – любую книжку осилит, если в ней не попадаются чересчур уж длинные слова. Что же до варений, да солений, да всяческой стряпни, так тут уж никому за ней неугнаться!

Кроме того, она хвалилась чрезвычайной своей бережливостью, хотя я не могу сказать, чтобы мы вследствие экономических ее ухищрений стали особенно богаты. Как бы то ни было, мы нежно

любили друг друга, и чувство наше крепло по мере того, как сами мы старились. Словом, мы не имели причин роптать ни на судьбу, ни друг на друга. Жили мы в прекрасном доме, посреди живописной природы, и общество, окружавшее нас, было самое приятное.

Мы гуляли по окрестностям или находили себе занятие дома, навещали богатых соседей, помогали бедным; ни о каких переменах не помышляли, тягостных забот не ведали, и все наши приключения совершались подле камина, а путешествия ограничивались переселением из летних спален в зимние, и из зимних – в летние.

Жилище наше стояло неподалеку от проезжей дороги, и к нам частенько навещались путники и прохожие, которых мы непременно потчевали крыжовенной настойкой, ибо она составляла гордость дома; и должен сказать со всей беспристрастностью историка, что никто ни разу ее не хулил. Многочисленная родня, иногда такая дальняя, что мы даже не подозревали о ее существовании, помнила о своей кровной связи с нами, не справляясь с гербовником, и частенько нас навещала. Не всегда, однако, родство это придавало нам блеск, так как среди родственников попадалось немало увечных, слепых и хромых. Но жена моя полагала, что раз они одной с нами крови, то и место им за одним с нами столом. Таким образом гости наши, хоть они не блистали богатством, оставались всегда всем довольны.

Известно ведь, и это непреложная истина, что чем беднее гость, тем легче ему угодить. А для меня счастливое лицо все равно, что для иного любителя красивый тюльпан или редкая бабочка. Впрочем, если среди наших родственников попадался человек вовсе непутевый, или кто-нибудь из них оказывался очень уж беспокойным гостем, или, наконец, просто был нам не по душе, я стремился одолжить ему что-нибудь – куртку, башмаки или не слишком дорогую лошадь – и всякий раз с величайшим

удовлетворением замечал, что человек этот больше у нас не появляется. Таким образом избавлялись мы от людей нам неприятных. Но конечно же, ни страннику, ни бедняку, нашедшему приют в лоне векфильдского семейства, отказа никогда не бывало.

Так прожили мы несколько лет, наслаждаясь безмятежным счастьем. Разумеется, посещали нас иногда и невзгоды, но ведь провидение ниспосылает их нам лишь затем, чтобы мы могли еще сильнее оценить его милости. То школьники заберутся в мой фруктовый сад, то жена припасет сладкую подливку к пудингу, а кошки или дети возьмут да и полакомятся ею без спросу. Иной раз помещик заснет в самом трогательном месте моей проповеди, а то, глядишь, его супруга, повстречавшись в церкви с моей, ответит на ее любезное приветствие едва приметным поклоном. Но все эти мелкие неприятности тут же нами и забывались, и к концу третьего или четвертого дня мы уже сами обычно дивились своей досаде.

Наградою за умеренность, которой придерживались всю жизнь родители, было то, что дети наши появились на свет здоровыми, не изнеженные последующим воспитанием, такими же и выросли; сыновья – полные жизненных сил крепыши, дочери – цветущие красавицы.

Всякий раз, что я окидывал взглядом все эту маленькую компанию, которой суждено было со временем сделаться опорой моей старости, мне невольно приходил на ум всем известный анекдот о графе Абенсберге: когда Генрих II проходил через Германию, все вельможи встречали его дорогими подарками, граф же подвел к своему государю собственных детей, в количестве тридцати двух человек, говоря, что это самая большая его драгоценность. У меня их было, правда, всего только шестеро, но я тем не менее полагал, что принес отечеству чрезвычайно щедрый подарок, и в силу этого считал, что оно в долгу передо мной. Старшего нашего сына назвали Джорджем в память его дяди, оставившего нам десять тысяч

фунтов. За ним шла девочка, которую я хотел назвать Гризельдой в честь ее тетки, но этому воспротивилась жена; она зачитывалась романами все то время, что была беременна, и настояла на том, чтобы дочь нарекли Оливией.

Не прошло и года, как у нас родилась еще одна девочка. На этот раз я решительно был намерен назвать дочь Гризельдой; но тут одна из наших богатых родственниц пожелала крестить ее и выбрала ей имя Софья. И вот у нас в семье завелось два романтических имени, но, право же, я в этом ничуть не виноват. Следом за ними появился Мозес, а после перерыва в двенадцать лет у нас родилось еще два сына. Тщетно стал бы я скрывать восторг, охватывавший меня при виде всей этой молодой поросли; но еще больше гордилась и радовалась, глядя на них, моя супруга. Бывало, какая-нибудь гостья скажет:

– Поверьте, миссис Примроз, таких хорошеньких деток, как ваши, во всей округе не сыщешь!

– Да что, милая, - ответит жена, - они таковы, каким их создало небо: коли добры, так и пригожи; по делам ведь надобно судить, а не по лицу.

И тут же велит дочерям поднять головки; а сказать по правде, девицы у нас были и в самом деле прехорошенькие! Ну, да наружность в моих глазах – вещь столь незначительная, что, если бы кругом все не твердили о красоте моих дочерей, я бы о ней вряд ли и упомянул. Оливия, которой исполнилось восемнадцать лет, обладала всепокоряющей красотой Гебы, как ее обычно рисуют живописцы, - открытой, живой и величавой. Черты Софьи на первый взгляд казались менее разительны, но действие их было тем убийственнее, ибо в них таились нежность, скромность и полное соблазна очарование. Первая побеждала сразу, с одного удара, вторая – постепенно, путем повторных атак.

Душевные свойства женщины обычно определяются ее

внешним обликом. Так, во всяком случае, было с моими дочерьми. Оливии хотелось иметь множество поклонников, Софье одного, да верного. Оливия подчас жеманилась от чрезмерного желания нравиться, Софью же так страшила мысль обидеть кого-нибудь своим превосходством, что она иной раз даже пыталась скрывать свои достоинства. Первая забавляла меня своей резвостью, когда я бывал весел, вторая радовала благоразумием, когда я был настроен на серьезный лад.

Ни в той, ни в другой, однако, качества эти не были развиты до крайности, и я часто замечал, что дочери мои как бы меняются друг с дружкой характерами на целый день. Так, стоило резвухе моей, например, облачиться в траур, как в чертах ее проступала строгая важность, и напротив – несколько ярких лент вдруг придавали манерам ее сестры несвойственную, казалось бы, им живость. Старший сын мой, Джордж, получил образование в Оксфорде, так Н|LK я предназначал его для одной из ученых профессий. Вторым сыном, Мозес, которого я прочил пустить по торговой части, обучался дома, всему понемножку.

Ну, да невозможно сказать что-либо определенное о характере молодого человека, который еще не видел света. Словом, фамильное сходство объединяло их всех, и, собственно, у всех у них характер был одинаковый – все были равно благородны, доверчивы, простодушны и незлобивы.

Лишившись состояния, человек благородный
не теряет чувства собственного достоинства

ГЛАВА 2

Почти всеми мирскими делами нашей семьи вершила жена; но в вопросах духовных я был полный хозяин. Мой приход доставлял мне ежегодно около тридцати пяти фунтов, которые я жертвовал целиком в пользу вдов и сирот священнослужителей нашей епархии; обладая изрядным состоянием, я мог не заботиться о вознаграждении и испытывал тайную радость при мысли, что исполняю свой долг безвозмездно. Кроме того, я решил не держать помощника и вменил себе в обязанность хорошенько познакомиться со всеми своими прихожанами, призывая людей семейных к трезвости, а холостым рекомендуя супружество; так что за несколько лет моего пребывания в Векфильде там даже сложилась такая поговорка: «В Векфильде три недостатка: священнику недостает чванства, молодым людям - невест, а кабатчикам - завсегдаев».

Брак всегда был излюбленным предметом моих рассуждений, и я даже составил несколько проповедей, в которых доказывал, что

он является неперменным залогом счастья; тут, однако, я держался таких же точно убеждений, что и Уистон, и полагал, что священник англиканской церкви по смерти своей первой жены не имеет права жениться вторично, иными словами – я был сторонником строжайшего единобрачия.

С самых первых моих шагов я был посвящен в знаменательный спор, породивший столь великое количество ученых сочинений. Я и сам выпустил несколько трактатов, в которых излагал свой взгляд на этот предмет; правда, никто их не покупал, и они так и остались лежать у книгопродавца, но зато я утешался мыслью, что мои творения доступны одним лишь избранным счастливым.

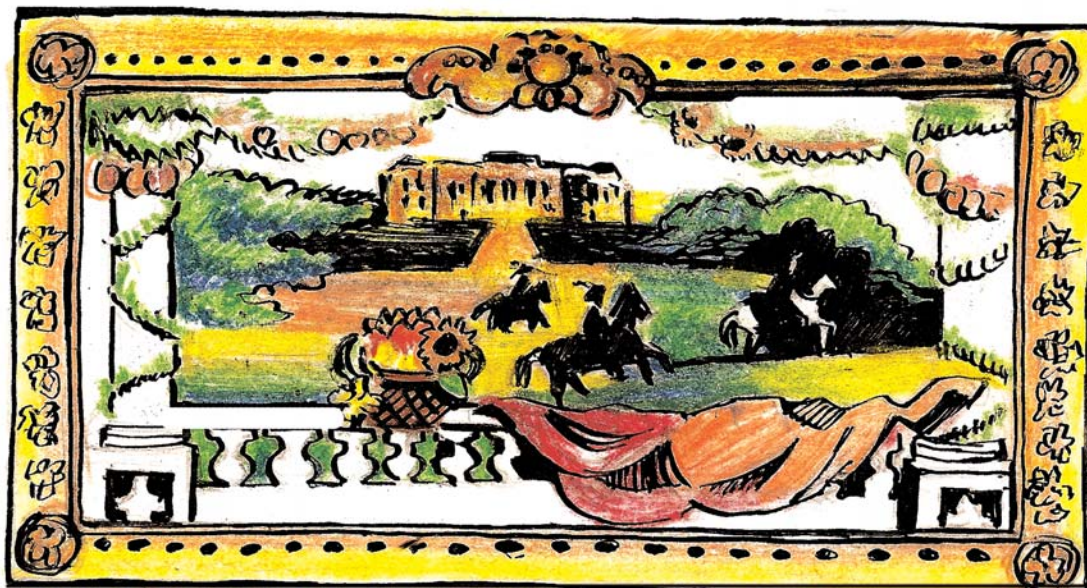
Кое-кто из моих друзей называл это моей слабостью – бедняги, разве просиживали они, подобно мне, долгие часы, размышляя о сем предмете? Я же чем больше думал о нем, тем больше постигал всю его важность. В осуществлении своих принципов я даже пошел несколько дальше самого Уистона.

Так, он, потеряв жену, приказал вырезать на ее могильном камне надпись, гласящую, что под ним покоится тело единственной жены Уильяма Уистона; а я при живой жене заказал ей эпитафию, где превозношу благоразумие, бережливость и смирение, не покидавшие ее до самой смерти; красиво переписанная и вправленная в изящную рамку, она висела у нас над камином и отвечала нескольким весьма полезным целям одновременно: напоминала жене о ее долге, указывала на мою верность ей, вызывала в ней желание заслужить добрую славу и вместе с тем не давала забывать о бренности человеческой жизни.

Быть может, мои беспрестанные рассуждения о браке тому виною, но мой старший сын, едва окончив колледж, уже сделал свой выбор, полюбив всем сердцем дочь одного духовного лица, жившего неподалеку от нас и облаченного высоким саном; за ней можно было

ожидать изрядное приданое; впрочем, она и без всякого приданого была хороша. Все (за исключением моих дочерей, конечно) признавали, что мисс Арабелла Уилмот – настоящая красавица. Тут было не одно очарование молодости, здоровья и невинности – прозрачный румянец ее был так нежен, взор обличал такое чувствительное сердце, что даже старость не могла взирать на нее равнодушно. Мистер Уилмот, зная, что я в состоянии выделить немалую долю своему сыну, не возражал против такого жениха, и у нас царил гармония, какая обычно устанавливается между двумя семьями накануне окончательного сближения. Убедившись на собственном опыте, что пора ухаживания – самая счастливая пора в нашей жизни, я был не прочь продлить ее для них как можно дольше: встречаясь ежедневно, влюбленные принимали участие в общих увеселениях, и взаимное чувство их как будто возрастало от того еще более.

По утрам обычно нас будила музыка, в погожие дни мы выезжали на охоту. Часы от завтрака до обеда дамы посвящали нарядам и наукам; так, пробежав глазами страничку книги, они гляделись в зеркало, которое и тут, я думаю, философы и те не станут со мной спорить подчас являет больше красот, чем иная книжная страница. За обедом верховодила жена, ибо привыкла собственноручно резать жаркое, ссылаясь при этом на обычай своей матушки; нужно ли говорить, что она не упускала случая поведать нам историю каждого блюда! После обеда, не желая расставаться с дамами, я обычно давал слуге распоряжение отодвинуть стол, и иногда мои дочери вместе с учителем музыки устраивали для нас чрезвычайно приятный концерт. Прогулки, чай, кадрили, фанты – так коротали мы остаток дня, не прибегая к картам, потому что я терпеть не могу никаких азартных игр, кроме игры в триктрак, в которую подчас сражался со своим старинным приятелем, ставя по два пенса на кон. Не могу тут обойти молчанием

досадный случай, приключившийся со мной в последний раз: мне нужно было выкинуть четыре очка, а между тем у меня выходила все двойка да единица – пять раз кряду!

Прошло несколько месяцев, и мы стали наконец подумывать о том, чтобы назначить день для бракосочетания наших влюбленных, которые, по-видимому, страстно того желали. Не стану описывать ни суетливую важность, с какой хлопотала жена, готовясь к торжеству, ни многозначительные взгляды, которыми обменивались между собой мои дочери; говоря откровенно, меня в то время занимало совсем другое: я заканчивал очередной трактат на излюбленную свою тему и надеялся вскоре его напечатать. Я считал это сочинение образцовым как в отношении логики, так и стиля, и в гордыне сердца своего не удержался и показал его старинному своему другу, мистеру Уилмоту, ибо был уверен в его одобрении. Увы, я слишком поздно убедился, что он был горячим поборником противоположного направления, на что у него были чрезвычайно веские основания, ибо он в ту самую пору задумал жениться в

четвертый раз! Как и надо было ожидать, между нами завязался спор, и притом настолько ожесточенный, что, казалось, того и гляди, расстроится задуманный нами брак.

Во избежание этого мы положили встретиться накануне бракосочетания и повести диспут по всем правилам. Обе стороны проявили изрядный пыл. Он утверждал, что я еретик, я обратил тот же самый упрек против него, он возражал, я отвечал. Между тем в самый разгар дискуссии один из моих родственников отозвал меня в сторону и с выражением глубокого участия посоветовал отказаться от дальнейшего спора или хотя бы перенести его на какой-нибудь другой день, после свадьбы моего сына.

– Как? – вскричал я. – Отказаться от правого дела и признать супружество мистера Уилмота законным в ту самую минуту, когда я доказал всю абсурдность его доводов? Да я скорее откажусь от состояния, чем от своих взглядов!

– Как это ни прискорбно, - отвечал на это родственник, - но я должен сообщить вам, что состояния-то у вас почти и нет никакого. Купец, которому вы вверили деньги, обанкротился и скрывается от кредиторов; полагают, что он не даст и шиллинга за фунт. Я не хотел огорчать вас до свадьбы, но, быть может, мое сообщение несколько остудит ваш полемический задор, ибо надеюсь, что вы достаточно рассудительны и поймете сами, что сейчас не время обнаруживать свои истинные чувства и что нужно подождать хотя бы до тех пор, пока состояние девушки не перейдет к вашему сыну.

– Ну, нет, - отвечал я, - если мне и впрямь грозит разорение и суждено сделаться нищим, то негодяем я быть не хочу, и я не подумаю, конечно, отрекаться от своих убеждений. Я сию же минуту пойду и извещу всех о том, что со мной случилось. Что же касается спора, я, напротив, беру назад уступки, которые сделал старику, и не соглашусь признать его супругом четвертой миссис Уилмот - ни в одном из значений этого слова! Напрасно пытался бы я описать чувства, охватившие обе семьи при известии о нашей беде; но что были наши чувства по сравнению с горестью влюбленных! Мистер Уилмот, который уже и без того был не прочь расстроить этот брак, теперь, узнав о постигшем меня ударе, окончательно решился: в одном ему никак нельзя было отказать - в благоразумии, этой подчас единственной добродетели, какую нам удастся сохранить на

с е м ь д е с я т
т р е т ь е м г о д у
ж и з н и !

